ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как преподобные монахи ночью встретили преграду в виде реки, достигающей неба, и как Цзинь-гун и Му-му, проявив милосердие, решили спасти детей

Итак, правитель страны Уцзиго, откинувшись на своем императорском троне, безутешно рыдал до самого вечера.

— Зачем вы так убиваетесь, ваше величество, — промолвил Сун У-кун, подходя к правителю. — Ведь вы собственными глазами видели трупы этих даосов и убедились в том, что один из них был тигром, второй — оленем, третий же — Сила барана — несомненно, был рогатым бараном. Если не верите, прикажите выловить его останки и легко убедитесь в том, что я говорю правду. Взгляните, разве у человека бывают такие кости? Все ваши наставники — оборотни, принявшие вид людей, и явились они сюда лишь для того, чтобы погубить вас. Однако, видя, что судьба вам еще благоприятствует, они пока не решались причинить вам вред. Но через год-два они, несомненно, погубили бы вас и захватили бы ваши владения. Счастье ваше, что мы вовремя пришли сюда, уничтожили этих волшебников и спасли вас от верной гибели. Зачем же так горевать? Выдайте лучше нам дорожные свидетельства, и мы отправимся в путь.

Лишь теперь правитель стал постепенно приходить в себя.

— Ваше величество, — обратились к нему в этот момент его приближенные. — Вы должны верить этому почтенному монаху. После смерти один из наставников превратился в оленя, другой — в тигра. А тот, что сварился в котле, несомненно, был бараном.

— Что же, — молвил тогда правитель, — примите, почтенный монах, мою сердечную благодарность. Но сейчас уже поздно. Главный наставник наследника! — обратился он к одному из сановников: — Проводите гостей в храм Источника знаний и позаботьтесь об их ночлеге. А утром откройте Восточный зал и велите стряпчему приготовить торжественную трапезу, только из овощных блюд.

Сановник в точности выполнил приказ правителя и проводил паломников в храм.

На следующее утро, в пятую стражу, во время утренней аудиенции, правитель в присутствии всех сановников объявил следующее:

— Расклеить у всех городских ворот, а также на всех улицах указ, призывающий всех монахов-буддистов срочно явиться в город.

Здесь нет надобности распространяться о том, как перед храмом Источника знаний выстроились все придворные и, дождавшись выхода Трипитаки и его учеников, с почетом проводили их к Восточному залу, где была устроена торжественная трапеза в честь паломников.

Расскажем лучше о буддийских монахах. Спасаясь от даосов, они разбрелись в разные стороны. И вот сейчас, узнав о том, что их призывают вернуться в город, они обрадовались и поспешили туда, чтобы отблагодарить Великого Мудреца за свое спасение и вернуть ему волоски, которые он дал им для охраны.

Когда пир закончился, правитель выдал паломникам дорожные свидетельства и сам, вместе с супругой, родственниками и приближенными, проводил Трипитаку и его учеников до городских ворот.

Когда они вышли из ворот, то увидели по обеим сторонам дороги буддийских монахов. Стоя на коленях, они восклицали:

— Великий Мудрец, равный небу! Отец наш! Спаситель! Услышав о том, что ты уничтожил злых духов и освободил нас от грозящей нам смерти, а также узнав, что повсюду расклеены оповещения, призывающие буддийских монахов вернуться в город, мы поспешили сюда, чтобы поблагодарить тебя за великую милость и вернуть тебе волоски, которые ты дал нам.

— Все ли вернулись? — улыбаясь спросил Сунь У-кун.

— Все пятьсот человек, — отвечали монахи.

Сунь У-кун встряхнулся, и волоски вернулись на прежнее место.

— Этих монахов действительно освободил я, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к правителю и его сановникам. — Я же разломал тачки и убил даосов-надсмотрщиков. Сейчас, когда, все три духа уничтожены, вы сами видите, что буддизм — это истинное учение. Впредь не исповедуйте ложных учений, и я надеюсь, что все три религии сольются воедино, и вы будете почитать одинаково как буддийских, так и даосских монахов и стремиться к воспитанию людей талантливых и образованных. Я же позабочусь о том, чтобы ваша страна процветала.

Правитель изъявил согласие последовать советам Сунь У-куна и, выразив ему свою глубокую признательность, проводил Трипитаку и его учеников за городскую стену. И наши паломники, неуклонно стремясь к достижению поставленной перед ними цели — получению трех сокровищниц буддийских писаний и прославлению священного имени Будды, продолжали дальнейший путь. С рассветом путники поднимались и двигались дальше, на ночь останавливались на отдых. Им приходилось переносить и жажду и голод. Незаметно минула весна, прошло лето и снова наступила осень. И вот однажды, когда стемнело, Трипитака остановил своего коня и, обращаясь к своим ученикам, спросил:

— Где же мы сегодня остановимся на ночлег?

— Учитель, — с укором сказал Сунь У-кун, — такой вопрос может задавать мирянин, но человеку, ушедшему от мира, это не к лицу.

— Не все ли равно, кто спрашивает: мирянин или человек, ушедший от мира? — удивился Трипитака.

— Дело в том, что миряне могут возиться с ребятишками или же спать со своими женами в теплой постели. Но разве можно нам, монахам, думать о подобных вещах? Мы должны при луне и звездах, перенося голод и жажду, двигаться вперед и останавливаться лишь когда на пути возникает препятствие.

— Дорогой брат, — вмешался тут Чжу Ба-цзе, — ты помнишь об одном, но совершенно забываешь о другом. Мы прошли сегодня очень трудный и опасный путь, и мне с такой тяжелой ношей было особенно тяжело идти. Поэтому совершенно необходимо найти сейчас какое-нибудь пристанище, где бы я мог хоть немного поспать и подкрепиться, набравшись сил для завтрашнего дня. В противном случае я могу ноги протянуть от усталости.

— Пока светит луна, мы будем идти, — сказал на это Сунь У-кун, — и если нам встретится какое-нибудь жилище, остановимся.

Трипитаке и его ученикам не оставалось ничего другого, как последовать за Сунь У-куном. Они прошли еще немного и вдруг услышали шум воды.

— Ну вот! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Кончился наш путь!

— Дорогу нам преграждает вода, — подтвердил Ша-сэн.

— Как же мы переправимся? — забеспокоился Трипитака.

— Погодите, я посмотрю глубока ли эта речка, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Перестань болтать глупости, — рассердился Трипитака. — Каким образом ты можешь узнать, глубока ли река?

— Я возьму камень величиной с гусиное яйцо и брошу его на середину. Если раздастся всплеск и пойдут пузыри — значит, река мелкая. Если же камень с шумом пойдет на дно — значит, здесь глубоко.

— Ну что ж, пойди посмотри, — согласился Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе разыскал камень, бросил его в воду, и они услышали, как он с гулом опустился на дно.

— Да, здесь очень глубоко, — сказал Чжу Ба-цзе. — На тот берег нам не перебраться.

— Глубину ты узнал, — сказал тогда Трипитака, — а вот ширина реки нам так и неизвестна.

— Этого я не могу узнать, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Погодите, — сказал Сунь У-кун, — я узнаю.

С этими словами наш чудесный Мудрец совершил прыжок в воздух и стал пристально всматриваться. И вы послушайте, что он увидел:

Воды широкие просторы

Легли в сиянии луны,

И рукава реки искусно,

Казалось, были сплетены.

Речной простор сливался с небом,

И только маковки вершин

В цветенье пышном подымались

Из поглощающих глубин.

Как будто сто приняв притоков,

Реки росла величина,

И домом тысячеэтажным

Вздымалась мощная волна.

И, друг на друга налетая,

Стремились вдаль гряды валов;

На отмелях гуляли цапли —

Здесь не встречался рыболов.

Река раздвинулась, как море,

Необозримо широка...

Вглядись! И все-таки безбрежной

Тебе покажется река.

Сунь У-кун быстро спустился на землю и сказал:

— Учитель, река эта так широка, что нечего и думать перейти ее. Вы знаете, что мои глаза очень зорки. Днем я вижу все, что ожидает нас на расстоянии в тысячу ли, и даже ночью могу рассмотреть все, что делается на расстоянии в пятьсот ли. Но сейчас, сколько я ни смотрел, я никак не мог увидеть противоположного берега. Трудно даже представить себе, какой ширины эта река.

Услышав это, Трипитака пришел в отчаяние. Он не мог даже слова выговорить и, всхлипывая, бормотал:

— Ученики мои, что же мы будем делать?

— Не горюйте, учитель, — сказал тут Ша-сэн. — Взгляните, мне кажется, что там стоит человек.

— Да это как будто рыбак вытаскивает сеть, — подтвердил Сунь У-кун. — Обождите, сейчас я пойду поговорю с ним.

В несколько прыжков Сунь У-кун с посохом в руках очутился около того места, где они увидели рыбака. И каково же было его удивление, когда перед ним оказался не человек, а каменная плита. На плите в старинном стиле «чжуань» были написаны три крупных иероглифа: «Река, Достигающая неба». Пониже были еще две строчки в десять иероглифов, только поменьше. Надпись гласила: «Ширина реки восемьсот ли. Лишь немногим удалось перейти ее».

— Учитель! — крикнул Сунь У-кун, — посмотрите, что здесь написано.

Когда Трипитака подошел к плите и прочел надпись, из глаз его полились слезы.

— Ученик мой, — молвил он. — Покидая город Чанъань, я не думал, что путь в Индию так труден. Мне и в голову не приходило, что всякие злые духи и демоны будут чинить мне препятствия и что мне придется пересекать столько гор и рек.

— Прислушайтесь, учитель! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Вам не кажется, что где-то бьют в гонг? Очевидно, кто-то устроил для монахов трапезу. Хорошо бы нам попасть туда. Мы подкрепились бы немного, узнали бы, где переправа, и завтра перебрались бы через реку.

Трипитака прислушался: откуда-то действительно доносились удары гонга.

— Это, несомненно, буддийские монахи, — молвил Трипитака. — У даосов не бывает такой музыки. Мы должны сейчас же отправиться туда.

И они пошли прямо на звуки. Сунь У-кун, как всегда, шел впереди. Дорога была ужасная. С трудом, по ухабам, перейдя песчаную отмель, они увидели селение, дворов примерно на пятьсот; по виду дома принадлежали зажиточным хозяевам.

Вдоль горы идет дорога,

Бьет источник у обрыва,

Крики жалобные птицы

Раздаются в ветках ивы.

Все калитки на запоре,

На засовах — все ворота,

И на отмелях песчаных

Цапель сладкая дремота.

Уж не слышно звуков флейты,

Не гремят вальков удары,

Лишь качается осока,

Шелестя листвою старой.

Да камыш под ветром гнется

И трепещет на болоте;

Лай доносится собачий

Из закрытых подворотен.

Не видать в окошках света,

И людей — как не бывало;

Лишь рыбак на переезде

В лодке дремлет у причала.

В небе диск висит зеркальный,

И дыханье ряски белой

С ветром с берега другого

Чуть заметно долетело.

Трипитака сошел с коня. Возле одного дома, находившегося как раз в начале улицы, развевался флаг. Во дворе был виден свет фонарей, оттуда доносился аромат благовоний.

— Сунь У-кун, — сказал тут Трипитака. — Пожалуй, здесь лучше, чем в пещере у реки или на горе. В доме мы сможем укрыться от холода и спокойно поспать. Только вам пока лучше не

ходить туда. Вы настолько безобразны, что одним своим видом можете навлечь беду, и мы останемся без пристанища. Сначала пойду я и попрошу хозяина пустить нас на ночь. Если он согласится, я позову вас. Если же откажет, все равно не устраивайте скандала.

— Пожалуй, это правильно, — согласился Сунь У-кун. — Вы идите, а мы подождем вас.

Трипитака снял плетеную шляпу, поправил балахон и с непокрытой головой и посохом в руках подошел к воротам дома. Ворота были полуоткрыты, однако Трипитака не решился войти во двор. Он постоял немного и вскоре увидел, как из ворот вышел старец, с четками на шее. Бормоча молитву, старец стал закрывать ворота. Трипитака, молитвенно сложив руки, поспешил обратиться к нему.

— Почтенный благодетель, — громко произнес он, — разрешите спросить вас.

— Вы опоздали, почтенный монах, — отвечал старец, тоже кланяясь.

— Как опоздал? — спросил Трипитака.

— А очень просто, ничего уже не осталось. Вам следовало прийти пораньше. Монахи, для которых мы устроили трапезу, ели сколько их душе было угодно. Кроме того, мы дали каждому из них по три шэна риса, по куску полотна и еще немного денег. Жаль, что вы так поздно пришли.

— Почтенный благодетель, — сказал, низко склонившись, Трипитака, — я шел не на трапезу.

— Что же в таком случае привело вас сюда? — удивился старик.

— Я посланец Танского императора и иду из Китая в Индию за священными книгами, — отвечал Трипитака. — И вот, когда я прибыл сюда, наступил вечер. Услышав звуки гонга, я решил попросить вас пустить меня на ночлег. А завтра с рассветом я снова отправлюсь в путь.

— Почтенный монах! — воскликнул старик и даже руками замахал. — Разве вы не знаете, что человек, принявший монашеский обет, не должен лгать. До китайской империи пятьдесят четыре тысячи ли. Как же вы могли проделать этот путь сами?

— Вы совершенно правы, уважаемый благодетель, — сказал Трипитака. — Мне удалось добраться сюда лишь потому, что у меня есть три ученика, которые помогали мне перебираться через горы и реки, охраняли и оберегали меня на протяжении всего пути.

— А где же они сейчас, почему их нет с вами? — спросил старик. — Позовите их, пусть отдыхают.

— Ученики! — позвал Трипитака.

Как вы знаете, читатель, Сунь У-кун обладал неугомонным характером, Чжу Ба-цзе был груб и невежествен, а Ша-сэн — прост и неотесан. И вот, услышав, что их зовут, они, позабыв обо всем, опрометью кинулись во двор. Один тащил за собой коня, другой, нагруженный вещами, шел вприпрыжку. Увидев их, старик от страха упал на землю.

— Злые духи пришли, злые духи, — бормотал он.

— Почтенный благодетель, не бойтесь, — стал успокаивать его Трипитака. — Это не злые духи, а мои ученики.

— Как же так, — сказал, весь дрожа, старик, — у такого, как вы, благородного и почтенного на вид человека ученики — настоящие чудовища.

— Вы не смотрите, что у них не совсем приятный вид, — сказал Трипитака, — зато они умеют подчинять драконов и тигров и вылавливать и уничтожать злых духов.

Старик с недоверием отнесся к словам Трипитаки. Вместе они потихоньку вошли во двор. Между тем ученики Трипитаки уже успели привязать коня и, ворвавшись в приемную комнату, опустили на землю поклажу. В это время в приемной комнате находилось еще несколько монахов, которые нараспев читали молитвы.

— Эй вы, что вы там поете? — подняв морду, крикнул Чжу Ба-цзе.

Монахи взглянули на Чжу Ба-цзе и пришли в неописуемый ужас:

Они глядели на прибывшего:

Ушастого и длинномордого,

Огромного и широкоплечего,

И громогласного, и гордого.

Ша-сэн и Сунь У-кун особенно

Казались страшными виденьями:

Монахи были перепуганы,

И чин нарушился моления.

Псалмы еще читала братия,

Но знак дал старший к окончанию,

Звонарь забыл о колокольчиках,

Упало Будды изваяние.

Тушили фонари в отчаянье,

Толпились, бегали растерянно;

Споткнувшись на пороге, падали

И сталкивались не намеренно.

И головы их громко стукались,

Как будто тыквы перезрелые...

Так суматоха эта праздная

Моленье представленьем сделала.

Глядя, как разбегаются монахи, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали хлопать в ладоши и громко смеяться. Это еще больше напугало монахов: они ринулись прочь, спасая свою жизнь, налетая друг на друга и сталкиваясь лбами. Вскоре в помещении никого из них не осталось.

Между тем Трипитака вместе с хозяином вошел в приемную комнату, где было совершенно темно. Тут они услышали хохот учеников Трипитаки.

— Негодяи вы этакие, — стал ругать их Трипитака. — Что же вы безобразничаете? Разве поверит кто-нибудь, что я каждый день делаю вам наставления! Ведь еще в старину говорили: «Тот, кто добродетелен от природы — является святым человеком; кто становится добродетельным благодаря наставлениям — является мудрецом; тот же, на кого не действуют даже наставления, — является глупцом». Выходит, вы и есть глупцы. Вы как безумные ворвались во двор и перепугали нашего благодетеля, вы разогнали монахов, возносивших моления. Неужели вы не понимаете, что вина за все это ложится также и на меня?

Ученики до того сконфузились, что не нашлись даже, что ответить. Наконец старик убедился, что это действительно ученики Трипитаки.

— Ничего особенного не произошло, — сказал он, кланяясь Трипитаке. — Мы только что закончили моление, загасили фонари и роздали подаяние.

— В таком случае, — сказал Чжу Ба-цзе, — принесите нам остатки еды, предназначенные для жертвоприношения. Мы поедим и ляжем спать.

— Принесите сюда фонари! — крикнул старик.

Услышав это, люди, находившиеся в наружных помещениях, очень удивились.

— Да ведь там у них происходит моление и много свечей, — сказали они, — зачем же еще фонари понадобились?

Несколько слуг вышло из дому, и тут они убедились, что в приемной совершенно темно. Тогда они зажгли фонари и прошли туда. Однако, увидев Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, они со страху побросали фонари и опрометью бросились обратно, захлопнув за собой дверь.

— Злые духи явились! — кричали они на бегу.

Тогда Сунь У-кун поднял с земли фонарь, затем зажег свечи и, притащив кресло, пригласил Трипитаку занять почетное место. По сторонам от него уселись его ученики. Напротив сел старик хозяин. В тот момент, когда они беседовали, раздался стук двери и из дома, опираясь на посох, вышел еще один старец.

— Что за черти появились ночью в нашем добропорядочном доме? — спросил он.

Тогда первый старец поспешно поднялся со своего места и, идя навстречу пришедшему, ответил:

— Успокойся, брат, это не злые духи, а преподобный монах из Китая — империи Танов, который идет за священными книгами. И хотя его ученики на вид довольно безобразны, люди они хорошие.

Тогда второй старец положил свой посох и, поклонившись гостям, приветствовал их. Когда церемония приветствий была окончена, он распорядился, чтобы принесли чай и кушанья. Однако, несмотря на то что он отдавал свое приказание несколько раз, дрожавшие от страха слуги так и не осмеливались накрывать на стол.

— Почему это ваши слуги ходят взад и вперед? — не вытерпев, спросил Чжу Ба-цзе.

— Я позвал их, чтобы они подали вам кушанья, почтенные отцы, — отвечал хозяин.

— И сколько человек будет нам прислуживать? — поинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Восемь, — последовал ответ.

— Кого же они будут обслуживать? — продолжал допытываться Чжу Ба-цзе.

— Да всех вас, — отвечал хозяин.

— Ну, для того чтобы обслужить вон того, белолицего учителя, потребуется всего один

человек, — сказал тогда Чжу Ба-цзе. — Для того чтобы обслужить этого заросшего волосами и похожего на Бога грома, нужно не меньше двух человек. Для того, со зловещим лицом, необходимо восемь человек. Ну, а для меня одного, — все двадцать.

— Можно подумать, что у вас огромный аппетит, — сказал хозяин.

— Боюсь, что им всем не управиться, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Ну, не бойтесь, люди у нас найдутся, — произнес хозяин.

На его зов явилось человек сорок взрослых и подростков.

Между тем разговор старика с гостями успокоил обитателей дома, и они перестали бояться. Они принесли и поставили на почетное место стол для Трипитаки, по бокам — три стола для его учеников, а один стол, за который сели оба хозяина, поставили против стола Трипитаки. Вначале были поданы фрукты и овощные блюда, затем принесли пампушки, вареный рис и приправы. Перед тем как приступить к трапезе, Трипитака встал и, подняв палочки, стал читать молитву. Дурень, который был жадным до еды да вдобавок к тому еще сильно проголодался, не мог дождаться, пока Трипитака кончит молитву. Пододвинув к себе большую деревянную чашку, покрытую красным лаком, наполненную рисом, он опрокинул ее в рот.

— Этот почтенный монах ничего не соображает, — сказал стоявший рядом подросток-слуга. — Если бы он спрятал пампушку, это бы еще ничего. А рисом ведь он перепачкает всю одежду.

— Да ничего я не прятал, — отвечал, хитро улыбаясь, Чжу Ба-цзе. — Я съел всю чашку.

— Ты и рта не открывал, — сказал работник. — Как же ты мог съесть ее?

— Глупости вы говорите, — сказал Чжу Ба-цзе. — Если не верите, смотрите, как я это делаю.

Тогда работник наполнил еще одну чашку и передал ее Чжу Ба-цзе. Дурень, как и в первый раз, опрокинул ее прямо в рот.

— Почтенный отец, — сказали изумленные слуги, — да что у тебя горло полированным кирпичом, что ли, выложено, что пища проходит, как по маслу, без малейшей задержки.

Пока Трипитака читал молитву, Чжу Ба-цзе уничтожил таким образом чашек шесть риса. И только после того как молитва была прочитана, он взял палочки и принялся за еду наравне со всеми. Дурень пожирал все, что перед ним было. Он без разбора сгребал рис, пампушки, фрукты и прочую еду, и все это запихивал себе в рот.

— Давай, подбавляй, накладывай, — только покрикивал он. — Что-то вы плохо подносите.

— Мудрый брат мой, — сказал тут Сунь У-кун. — Тебе бы не следовало жадничать. Ведь лучше быть сытым наполовину, чем голодать, что мы вынуждены были бы испытать, если бы остановились на ночлег в горах.

— Молчи ты, морда, — отмахнулся Чжу Ба-цзе. — Ведь недаром говорится: «Чем кормить монахов не досыта, лучше быть заживо погребенным».

— Не обращайте на него внимания и убирайте со стола, — сказал Сунь У-кун.

— Мы не станем скрывать от вас, почтенные монахи, — молвили тогда с поклоном хозяева. — Пришли бы вы днем, все было бы в порядке. Мы могли бы накормить не меньше ста человек, даже с таким аппетитом, как у этого почтенного монаха. Но вы опоздали. Мы собрали остатки, сварили пампушки всего из одного даня муки, пять доу риса и приготовили немного закусок. Мы хотели угостить своих соседей и накормить наших монахов. Но, когда вы появились, от страха все монахи разбежались, и мы не решились пригласить даже ближайших соседей. Все, что было у нас приготовлено, мы преподнесли вам. Если вы голодны, можно распорядиться, чтобы приготовили еще.

— Конечно, распорядитесь! — сказал Чжу Ба-цзе.

Когда со стола была убрана посуда, Трипитака поклонился хозяевам и поблагодарил их за угощение.

— Разрешите спросить, как ваша фамилия? — обратился он к хозяевам.

— Наша фамилия Чэнь, — отвечали те.

— Так мы с вами однофамильцы, — сложив ладони рук и почтительно кланяясь, молвил Трипитака.

— Разве ваша фамилия тоже Чэнь, почтенный отец? — удивились хозяева.

— Да, — отвечал Трипитака. — В миру моя фамилия была Чэнь. Скажите, пожалуйста, по какому случаю у вас сегодня было устроено богослужение?

— Об этом не стоит спрашивать, учитель, — сказал смеясь Чжу Ба-цзе. — Известно, что богослужения устраиваются либо о ниспослании урожая, либо в честь окончания бедствия, либо в память об умершем.

— Нет, у нас тут совсем другое, — отвечал хозяин.

— По какому же случаю вы устроили трапезу? — продолжал допытываться Трипитака.

— Это богослужение было совершено в память о том, кто должен скоро умереть.

Услышав это, Чжу Ба-цзе так и покатился со смеху.

— Ну, и шутник же вы, почтенный дедушка, — сказал он. — Мы сами непревзойденные обманщики, а вы хотите провести нас такими пустяками! Да разве монахам неизвестно, по какому случаю устраиваются богослужения? Можно при жизни совершать богослужения и сжигать различные предметы для того, чтобы переселившийся в загробный мир не испытывал ни в чем недостатка на том свете, а также богослужения для предварительной оплаты возможных грехов. Но как можно совершать богослужения в память о том, кто еще не умер?

«Да этот Дурень не так уж глуп», — с одобрением подумал Сунь У-кун и сказал:

— Вы что-то, почтенный отец, путаете. Как же можно совершать заупокойное богослужение по еще не умершему человеку?

— Вы лучше скажите нам, — молвили кланяясь хозяева, — почему вы не пошли прямым путем, а завернули к нам?

— Мы шли прямой дорогой, — отвечал Сунь У-кун, — но когда приблизились к реке, то увидели, что переправиться через нее не сможем. Тут мы услышали звуки гонга и барабанный бой, и вот пришли к вашему дому, чтобы попроситься переночевать.

— А вы ничего не заметили на берегу? — спросил хозяин.

— Мы видели там каменную плиту, — отвечал Сунь У-кун, — на которой вверху написано: «Река, Достигающая неба», а внизу: «Ширина реки восемьсот ли. Лишь немногим удалось перейти ее». Больше мы ничего не видели.

— Повыше этого места, на расстоянии примерно одного ли, стоит храм князя Божественного влияния. Вы не видели его?

— Не видели, — сказал Сунь У-кун. — Расскажите, пожалуйста, что это за князь.

— О почтенные отцы! — в один голос воскликнули оба старца со слезами на глазах.

Где он только ни покажется,

Храмы строятся ему

Посылает милость скорую

Он народу своему.

Каждый год дожди обильные

Нам дает его рука,

Над деревнями счастливые

Простирая облака.

— Раз он посылает вам благодатный дождь и счастливые облака, значит, он добр. Почему же вы так расстраиваетесь, вспоминая о нем?

— Почтенные отцы! — воскликнули старцы, топая от горя ногами и колотя себя в грудь.

Велики благодеяния,

Только много и обид:

Наряду с великой милостью,

Он обиды нам чинит.

Нет святой в нем справедливости:

Он приносит много бед.

И детей для жертвы требует

Этот грозный людоед.

— Он требует, чтобы ему приносили в жертву детей? — спросил Сунь У-кун.

— Совершенно верно, — подтвердил старик.

— И сейчас, видимо, наступила очередь вашей семьи? — спросил Сунь У-кун.

— Да, в этом году наступила наша очередь, — подтвердил старик. — Наше селение насчитывает сто дворов, называется оно Чэньцзячжуан и входит в уезд Юаньхуэй, государства Чэчиго. Этот князь требует, чтобы каждый год ему приносили в жертву мальчика, девочку, свинью, барана и жертвенное вино. Все это он сразу поедает, а взамен этого посылает нам хорошую погоду и благодатный дождь. Если же не принести ему жертву, он обрушит на нас всякие бедствия.

— А сколько у вас сыновей?— поинтересовался Сунь У-кун.

— О горе, горе! Заговорив о сыновьях, вы заставляете меня пылать от стыда! — воскликнул в ответ хозяин. — Мы с братом уже старики. Зовут брата Чэнь Цин, ему пятьдесят восемь лет,

мое имя — Чэнь Дэн. Мне шестьдесят три года. В наши годы, конечно, трудно иметь детей. Мне было пятьдесят лет, а сына я все не имел. Тогда мои родные и друзья уговорили меня взять наложницу. Я с большой неохотой сделал это, и вот у меня родилась дочь. В этом году девочке пошел восьмой год. Зовут ее И Чэн-цзинь.

— Какое дорогое имя, — заметил Чжу Ба-цзе. — Почему же это ее так назвали?

— Не имея долгое время детей, — отвечал старик, — я решил заняться добрыми делами: строил мосты и дороги, сооружал кумирни и пагоды, делал подаяния монахам. Все эти расходы я записывал. И оказалось, что к моменту рождения дочери я израсходовал всего тридцать цзиней золота, что и составляет один безмен. Вот почему ее и назвали И Чэн-цзинь — Один безмен золота.

— А мальчик чей? — спросил Сунь У-кун.

— Мальчик — моего брата, — отвечал хозяин. — Он тоже рожден от наложницы. В этом году ему исполнилось семь лет и зовут его Чэнь Гуань-бао.

— А почему его так назвали? — поинтересовался Сунь У-кун.

— У них в доме есть изображение бога Гуань, — отвечал хозяин, — а так как они обращались к этому богу с молитвами о ниспослании им сына, то малыша и назвали Гуань-бао. Если сложить мои годы и годы брата — получится сто двадцать лет, а у нас всего только эти двое ребят. И на наше горе очередь приносить жертву дошла до нас. Мы, конечно, не смеем ослушаться. Теперь вы должны понять, какие чувства мы испытываем, теряя своих детей. Вот почему наше сегодняшнее богослужение называется «предварительная заупокойная служба».

Выслушав эту печальную историю, Трипитака не удержался и заплакал.

— Еще древние люди говорили: «Слива Хуан-мэй не опадает, а опадает слива Цин-мэй. Небо наказывает тех, у кого нет детей».

— Разрешите мне спросить вас, почтенный хозяин, — вступил тут в разговор Сунь У-кун. — Много у вас добра?

— Да кое-что есть, — отвечал хозяин. — Одних поливных земель у нас циней пятьдесят да богарных семьдесят. Кроме того, у нас около ста пастбищ, триста буйволов да около тридцати голов мулов и лошадей. Ну, а свиней, овец, кур и гусей не перечесть. Запасов зерна в наших амбарах нам не съесть. Одежды не сносить. Словом, добра у нас достаточно.

— Ну что ж, в таком случае пеняйте сами на себя. Нельзя быть такими скрягами.

— Почему вы считаете, что мы скряги? — удивился хозяин.

— Совершенно непонятно, — продолжал Сунь У-кун, — почему при таком состоянии вы жертвуете своими детьми? За- тратив пятьдесят лян серебра, вы смогли бы купить мальчика, а затратив еще сто лян — и девочку. Если считать со всеми дополнительными расходами, то на все это ушло бы не более двухсот лян, зато вы сохранили бы своих детей. Разве плохо оставить после себя потомство?

— Почтенный отец, — отвечали хозяева со слезами на глазах. — Вы даже не знаете, что у нас тут творится. Этот дух очень хитер. Он часто появляется у нас в деревне.

— Может быть, вы скажете нам, как он выглядит? — спросил Сунь У-кун. — Он высокий или маленького роста?

— Мы никогда его не видели, — отвечали старики. — Но как только налетает порыв ветра, насыщенный ароматом, мы знаем, что это явился наш повелитель. Тогда мы поспешно возжигаем благовония — и все, от мала до велика, совершаем поклоны. Этот дух прекрасно знает все, что происходит у нас в деревне. Он знает даже день рождения каждого человека и принимает в жертву только наших детей. Мы готовы потратить не то что двести — триста, а несколько тысяч лян для того, чтобы найти детей, похожих на наших и такого же роста. Но ведь таких нигде не найдешь.

— Ну вот что, — сказал Сунь У-кун. — Нельзя ли привести сюда ваших детей? Я хотел бы взглянуть на них.

Брат хозяина, Чэнь Цин, поспешил в дом и вынес на руках Гуань-бао, поставив его перед фонарем. Мальчик, не подозревая, какая его ждет участь, бегал, прыгал, резвился и прятал фрукты в рукава. Сунь У-кун взглянул на мальчика, произнес заклинание и, встряхнувшись, превратился в его точную копию. Оба мальчика, взявшись за руки, стали прыгать и играть. Это превращение так испугало стариков, что они тут же повалились на колени.

— Ну, что вы, что вы, почтенные господа, — сказал Трипитака. — Не унижайте себя!

— Ведь я только что разговаривал с этим почтенным мо нахом, — сказал хозяин, — как же он успел превратиться в точную копию моего сына? На мой зов они оба бегут ко мне. Нет, это невероятно! Пожалуйста, примите свой настоящий вид!

Сунь У-кун потер щеки и принял свой обычный вид.

— Почтенный господин, — сказали хозяева, опустившись на колени перед Сунь У-куном. — Какой удивительной силой вы обладаете!

— Ну как, был я похож на вашего сына? — спросил Сунь У-кун.

— Совершенно похожи, точная копия, — воскликнул хо- зяин. — И лицо, и голос, и одежда, и

рост — все как у него.

— Это еще не все, — сказал Сунь У-кун. — Если бы вы взвесили нас, то убедились бы, что и вес у нас одинаков.

— Мы нисколько не сомневаемся в этом, — сказал хозяин.

— Как вы думаете, — спросил Сунь У-кун, — сойду я за жертву?

— Несомненно, — сказали хозяева.

— Тогда я спасу этого мальчика, — сказал Сунь У-кун, — и оставлю вам потомка: пусть он возжигает благовония и совершает жертвоприношения предкам. Я готов стать жертвой этого духа.

— Почтенный отец! — воскликнул, земно кланяясь, Чэнь Цин. — Если вы действительно решились оказать мне такую милость, я дам вашему учителю тысячу лян серебра на дорожные расходы.

— А меня чем вы отблагодарите? — спросил Сунь У-кун.

— Но если вы решили принести себя в жертву, — сказал старик, — значит, вас не будет в живых?

— Как так не будет?

— Да вас же съест дух.

— Вы думаете, он посмеет съесть меня?

— Если не съест, так только потому, что от вас исходит дурной запах, — сказал хозяин.

— Ну, пусть на то будет воля неба, — торжественно произнес Сунь У-кун. — Если он съест меня, значит, мне суждено безвременно умереть; не съест — значит, счастье мое.

Чэнь Цин от радости только отбивал поклоны и выразил желание прибавить еще пятьсот лян серебра. Между тем Чэнь Дэн, прислонясь к двери, горько плакал.

— Почему же вы не благодарите? — спросил его Сунь У-кун, поняв его состояние. — Вам тяжело расстаться с дочерью?

— Да, мне трудно примириться с этой утратой, — сказал старик, опускаясь на колени перед Сунь У-куном. — Мы очень благодарны вам, почтенный учитель, за то, что вы согласились спасти моего племянника. Но мне тяжело, ведь у меня единственная дочь, и, когда я умру, некому будет даже оплакивать меня у гроба.

— Тогда вот что, — сказал Сунь У-кун. — Идите сейчас же и сварите еще пять доу риса, приготовьте хорошие овощные закуски и преподнесите все это вон тому монаху с длинной мордой. Я думаю, что после этого он согласится принять образ вашей дочери, и мы вместе с ним отправимся на съедение духу. Таким образом мы совершим акт добродетели и спасем ваших детей. Что вы на это скажете?

Чжу Ба-цзе пришел в полное смятение.

— Дорогой брат! — воскликнул он. — Ты можешь рисковать своей жизнью. Но меня, пожалуйста, оставь в покое и не впутывай в свои проделки.

— Мой мудрый брат, — отвечал ему Сунь У-кун. — Пословица гласит: «Даже курица должна заработать себе на пропитание». Нас здесь хорошо приняли, отлично угостили. И вместо того чтобы кричать, будто ты не насытился, ты бы лучше помог их беде.

— Дорогой брат, — возразил Чжу Ба-цзе, — я вовсе не обладаю искусством превращений.

— Как же так, — произнес Сунь У-кун, — ведь ты можешь принимать тридцать шесть видов.

— Чжу Ба-цзе, — вступил тут в разговор Трипитака, — Сунь У-кун рассуждает правильно. Ведь недаром говорится, что: «Спасти жизнь человека — лучше, чем построить семиярусную пагоду». Своим поступком ты, во-первых, отблагодаришь хозяев, и, кроме того, совершишь доброе дело, которое зачтется тебе в будущей -жизни. К тому же делать тебе сегодня ночью нечего, и для вас с Сунь У-куном это будет приятной прогулкой.

— Да что вы говорите, учитель, — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Я могу превратиться в гору, дерево, камень, в паршивого слона, в буйвола, в какого-нибудь толстяка. Но принять вид маленькой девочки очень трудно.

— Не верьте ему, почтенные люди, — сказал Сунь У-кун. — Приведите-ка сюда малютку, мы посмотрим.

Чэнь Дэн поспешил в дом и вскоре вернулся с дочерью на руках. Вместе с ним пришла его жена и домочадцы. И старые и малые опустились на колени и стали отбивать поклоны, умоляя спасти И Чэн-цзинь. Голова девочки была украшена диадемой бирюзового цвета с жемчужными подвесками. Одета она была в куртку из золотистого шелка, зеленую атласную накидку со стоячим воротником, расшитым узорами в виде шашечной доски и юбку из цветастого шелка. На ногах были розовые атласные туфельки с носками в виде головы жабы. Шелковые панталоны были расшиты золотом. Она так же, как и двоюродный брат, стала тут же

лакомиться фруктами.

— Ну вот, Чжу Ба-цзе, тебе девочка, — сказал Сунь У-кун. — Принимай поскорее ее вид, и мы отправимся к вол- шебнику.

— Дорогой брат, — взмолился Чжу Ба-цзе. — Разве могу я превратиться в такое изящное, прелестное существо?

— Поторапливайся! — прикрикнул на него Сунь У-кун. — Не заставляй меня пускать в ход свой посох!

— Не дерись, брат, — взмолился Чжу Ба-цзе. — Я сейчас попробую, посмотрим что получится.

Он поспешно произнес заклинание и, покачав головой, крикнул:

— Изменись!

В тот же момент голова его превратилась в точную копию головы девочки. Но его огромный живот остался таким же и портил всю картину.

— Ну, давай, давай дальше! — смеясь кричал Сунь У-кун.

— Ты можешь бить меня, если тебе угодно, — сказал Чжу Ба-цзе, — но больше я ничего не могу сделать.

— Да ведь не можешь же ты оставаться с головой девочки и телом монаха, — сказал Сунь У-кун. — Хорошенькое дело — ни мужчина, ни женщина. Ну-ка, давай я попробую что-нибудь сделать.

Он дунул на Чжу Ба-цзе, и тот сразу же превратился в точную копию девочки.

— Ну, почтенные хозяева, — сказал Сунь У-кун, — чтобы вы не перепутали нас с вашими детьми, уведите их отсюда и домочадцев тоже. Дайте им фруктов, пусть едят, и следите за тем, чтобы они не плакали. Если дух услышит их голоса — все пропало. Он будет готов выступить против нас.

После этого наш чудесный Мудрец приказал Ша-сэну хорошенько охранять Танского монаха.

— Вы как, связываете жертву по рукам и ногам или же ноги оставляете свободными? Зажариваете ее или рубите на куски?

— Дорогой брат, — взмолился Чжу Ба-цзе, — перестань издеваться надо мной. Я ведь не обладаю такими способностями, как ты.

— Что вы, что вы, — сказал хозяин. — Мы ничего подобного не будем делать. Мы возьмем два больших покрытых красным лаком блюда и попросим вас сесть на них. Затем эти блюда поставим на стол, и слуги унесут этот стол в кумирню.

— Ну вот и чудесно, — произнес Сунь У-кун. — Несите блюда, посмотрим, что из этого получится.

Хозяева приказали принести блюда, и Сунь У-кун с Чжу Ба-цзе уселись на них. Затем слуги взяли столы, вынесли их во двор, поносили немного и вернулись с ними в зал.

— Ну что, брат Чжу Ба-цзе, — сказал, довольный, Сунь У-кун. — Если нас будут носить с таким почетом, мы будем, пожалуй, главными монахами.

— Если бы нас только выносили и приносили, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — я согласился бы, чтобы это продолжалось до утра. Но нас ведь понесут в кумирню на съедение, а это не шутка!

— Ты хорошенько следи за мной, — наказывал Сунь У-кун. — Как только он примется за меня, беги.

— Да ведь мы не знаем, кого он раньше будет есть, — сказал Чжу Ба-цзе. — Хорошо, если он начинает с мальчиков, тогда я смогу убежать. А если он вначале ест девочек, тогда что делать?

— В прошлые годы, — сказал тут хозяин, — некоторые смельчаки отважились пробраться за кумирню или спрятаться там под жертвенным столом. Так вот они видели, что он вначале ест мальчиков, а затем уж принимается за девочек.

— В таком случае мне повезло, — обрадовался Чжу Ба-цзе.

В этот момент снаружи послышался бой барабанов и удары в гонг, засверкали огни. Кто-то открыл ворота и крикнул:

— Выносите мальчика и девочку!

Хозяева разразились рыданиями. Четверо слуг подняли столы и понесли их прочь.

Если вам интересно узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

http://tl.rulate.ru/book/14623/287655